Прошло двадцать минут с тех пор, как Гарри ушел, и Локи, сжимающий в руках букет тигровых лилий из сада Идунны, вошел в гробницу. Несмотря на то, что однажды он подшутил над ней, за что ее и похитили, Идунна, полная сострадания, позволила несчастному богу оставаться в ее саду сколько угодно. Эти алые лилии были его любимыми, они напоминали ему о его рыжеволосой, пылкой жене. Он, будучи Сохатым, даже называл ее "Тигровая лилия". Локи подошел к гробнице Лили и, приблизившись, улыбнулся. Сколько бы раз он ни видел ее лицо, он находил в нем новые детали, которые не давали ему устать от нее. Если бы кто-то сказал Локи десятилетия назад, что смертная женщина покажет ему, что такое любовь и преданность, он бы отправил его к целителям, предварительно избив за то, что тот даже намекнул, будто бог зла способен на такую слабость. Но она стала для него слабостью, и он обнаружил, что больше не может радоваться привычным вещам без ее присутствия. Были дни, когда он отказывался даже вставать с постели, не говоря уже о том, чтобы жить дальше. Конечно, Сигин помогала ему преодолеть эти моменты, особенно когда он был особенно жесток. Как и остальные, Сигин была оттолкнута Локи, поскольку он не желал иметь ничего общего ни с кем. Он хотел погрязнуть в своем горе в одиночестве. Однако богиня Верности не желала этого. Она оставалась с ним и пыталась поговорить с ним каждый день. Она обнимала его во сне, кормила любимой едой, даже когда он почти ничего не ел, и утешала, когда воспоминания становились слишком тяжелыми. Однажды она увидела плоды своей преданности. Когда она увидела Локи, распростертого на полу и рыдающего, она взяла его на руки и утешительно обняла. Сначала он сопротивлялся, но потом так крепко сжал ее, что едва не сломал себе ребра, рыдая. Когда она держала его до тех пор, пока он не перестал плакать, он произнес первое слово, которое сказал после ее смерти: — Лили. — Прости, Локи? — спросила она, ее голубые глаза впились в его зеленые.— Ее звали Лили Энн Эванс. Тогда-то и прорвались шлюзы, когда он рассказал ей обо всем: от незначительных деталей ее жизни до интимных секретов, от ее любимого цвета до величайших достижений, от количества веснушек на лице до множества удивительных заклинаний ее собственного творения. Говоря о ней и оплакивая свою потерю, Локи начал свой первый шаг к принятию ее смерти. Но он по-прежнему любил Лили, даже больше, чем когда-либо. Он понимал, что это несправедливо по отношению к Сигин, и обнаружил, что снова все больше и больше влюбляется в нее. Но он не мог отпустить Лили, не мог смириться с тем, что она преследует Мидгард, вечно пребывая в отчаянии от того, что больше не живет, а не идет к своей конечной награде. — Где ты, Тигровая Лилия? Тебя нет ни в залах Валгаллы, ни в Ниффльхейме. Ты исчезла совсем. Ты на Мидгарде, присматриваешь за нашим сыном? Может, ты затерялась в каком-то неведомом лимбе? Неужели я проведу всю вечность и никогда больше не увижу тебя? Неужели моя рука больше никогда не коснется твоей щеки? Неужели я никогда не увижу, как твои добрые глаза смотрят на меня с любовью? Неужели я никогда не увижу, как ты осветишь мир своей улыбкой? — спрашивал Локи у застывшего тела. Он даже искал ее в царстве мертвых. Хель пообещала, что и впредь будет находить время для поисков, но в последнее время ее занимала одна изгнанная душа, которая ускользала от нее уже много лет. Она не стала вдаваться в подробности, а Локи не стал на нее давить, видя, что у его дочери одно из "настроений". Расправляя лилии, Локи заметил кое-что другое. Будучи здесь много раз, он запомнил все нюансы гробницы Лилли. Он не помнил, чтобы на гробнице была эта странная красная субстанция. Наклонившись вперед, Локи понял, что это кровь. А когда он рассмотрел ее дальше, то понял, что это кровь смертного. Он даже не задавался вопросом, как смертный попал в Йотумхейм, не говоря уже о том, как он проник в магически защищенную гробницу. Все, что он знал, — это то, что здесь побывали нарушители! Его глаза вспыхнули красным огнем, когда ярость поглотила его. Неверные? В гробницах королев? Он встал и выскочил из пещеры, отправившись в полет. Он найдет владельца крови и прольет ее остатки. Со стороны горной тропы топал огромный Великан Фрост, волоча за собой свою дубину изо льда. Он представлял собой ужасное зрелище: такой же высокий, как и широкий, с соответствующим гнилостным запахом. Наконец, он оттоптал гору и отправился дальше своей дорогой. Гарри

медленно высунул голову из снежного вала. Он ужасно боялся, что попадется на глаза великану. На самом деле он видел еще нескольких, прежде чем спрятаться. Он был уверен, что они учуяли его, потому что обнюхали землю, где он находился. Но они его не видели, так как Гарри прятался либо в снегу, либо на дереве, либо в маленькой пещерке. Что это за место, где живут великаны? — Где я? — прошептал Гарри. Он должен был догадаться, что лучше не доверять незнакомцу. А теперь смотри, он оказался в стране, где жили великаны. О, как бы он хотел, чтобы Джек Убийца Великанов был здесь, Гарри не хотел умереть от того, что его съест великан. Ему было так страшно, но он должен был как-то покинуть гору. Кроме того, разве тот парень Джомунни не говорил, что его папа здесь? Он должен был пойти и увидеть его, спросить, почему он уехал и может ли он остаться с ним, а не с Дурслями. Возможно, Великаны все уже ушли, может, теперь он сможет рискнуть выйти в свет. Гарри подождал несколько минут. Когда он увидел, что великаны не приближаются, он больше не мог этого выносить и медленно отошел в сторону от снежного вала и вышел из своего укрытия. Он тут же пожалел об этом. Локи летал вокруг горы, чтобы найти неверного, который посмел вторгнуться в тайные гробницы ледяных королев. Несомненно, он украл сокровища, которые были положены к ногам королев морозных Великанов. Он заметил, что кто-то прячется в тени, и превратился в маленького воробья, чтобы подкрасться к нему сзади. Если смотреть на него со спины, то он был похож на мальчика, видавшего лучшие времена. Он также обратил внимание на отсутствие теплой одежды. На мгновение Локи почувствовал жалость. Этот бедный мальчик был похож не на вора, а на маленького несчастного ребенка, потерявшегося в опасном мире. Но потом ему напомнили, что он сам был в том возрасте, когда был вором, и даже он не стал бы лучше грабить с могил, храмов или поклоняться. Гнев его вспыхнул с новой силой, словно буря, пронесшаяся по его душе. Он снова обрел свой истинный облик, ужасающий и могучий, и железной хваткой сжал мальчика.

http://tl.rulate.ru/book/103877/3625148